

ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК

МУЗЕЙНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ
ИЗДАНИЕ

Выходит с июня 2012 года. № 1 (20). Январь 2017

В. М. ЗВОНЦОВ. ТИШИНА НАД СОРОТЬЮ. 1992. ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

* * *

О, где б судьба ни назначала
Мне безымянный уголок,
Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок,

Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила,
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей...

А. С. Пушкин
Путешествие Онегина. Строчка XXXIII

СЕРЕДИНА СТИХОТВОРЕНИЯ

Для Анненского поэзия была домашним делом.
Он очеловечивал мир вокруг себя...
О. Э. Мандельштам

...где в синих лужах ягоды рябины,
и с середины пишутся стихи.
Борис Рыжий

На крашеном крыльце большого деревянного дома, блаженствуя, лежал серый пушистый кот. Мои руки впитывали в себя тепло нагретых июньским солнцем досок. Я сидел на крыльце, в ожидании... времени. Александр Сергеевич не принимал. У него уже были другие, пришедшие прежде нас. Сквозь листву старых лип пробивались лучи, похожие на звезды. Они то удлинялись, то исчезали. Их танец зависел от движения ветвей и от того, прищуривал ли я глаза. Легкий ветер нес запах садовых цветов, свежести и обрывки фраз. От этого казалось, что слышишь, как Пушкин беседует со своими гостями. Не о поэзии. О том, как ему живется здесь, в доме, стоящем во второй половине двадцатого века. Странно, но воспоминания о комарах, которые каждый июнь досаждают посетителям Михайловского, не сохранилось. Это не значит, что их не было тогда, в 1973 году. Просто было другое время. И оно было мое. Как всякое время детства. Тот день был – зеленый и долгий. Лето, в этом признаются все художники-практиканты репинского института, – трудное время для работы над картинами: очень много зеленого. Зрелый возраст, если вы, конечно, не художник, замечает иные краски. Осень – вот пора думающего и глубоко чувствующего поэта. Полыхающие алым и золотым деревья старого парка – признание в обретении смирения и Бога. Близость к зиме, предзимье, ранняя зима и февральские оттепели в Михайловском гораздо богаче впечатлениями. Встречи с поэтом в эту пору не нужно ждать. Как хороший хозяин, он не станет держать вас в ожидании на своем крыльце. Вас проведут в дом. Но, чаще всего, Пушкина в нем не будет. Оставленная на столе записка на обрывке листа посвящена не вам. Оберегая покой поэта, вам не скажут, куда он ушел и когда вернется. И уже одно это делает вас свободным. Возможность дышать морозным воздухом, напоенным особыми запахами «зимоосени», влагой и озерными тростниками, изысканными, как французский мужской одеклон, составными ароматами старого парка, разбавленными ветром. Желтые камыши, замороженные в закрайки льда, влажная, с глубокими морщинами дуплистая темная кора лип на кругу михайловского курдонёра. Бархатная глубокая зелень мха, покрывающего крышу конторы управляющего. Хрип одинокого вороньего крика, добавляющего пейзажу протяженности и глубины. Темная, тягучая от холода вода Сороти, михайловского Иордана. Дивное в своем беспокойном величии серое небо, в котором тысяча сто оттенков срамит жалкие возможности кинематографа. Сколько из этих полцветов способен различить глаз? Сколько имен для красок зимы способен изобрести язык? Песни летнего и зимнего парка столь же не похожи для слуха, как свадебные мелодии и бесконечные былинные напевы, уходящие в глубокие туманы спящего времени. Здесь, на границе образов и размышлений, внезапно встречаешься с той особой неподвижностью мира, которая делает наше детство бесконечным. В зимнем Михайловском тишина мягко касается вечности. Семен Степанович Гейченко знал это свойство Зуёва. Потому-то везде на усадьбе ваш взгляд притягивали скворечники и домики. Время на зиму ищет себе пристанище в пустых птичьих норках и беличьих лачужках. В них, если повезет, как в раковинах-жемчужницах, по весне иногда можно найти ушедшие снега, превратившиеся в изумруды. Теперь вы знаете, о чем поет свою песенку пушкинская сказочная белка. Ветви дуба на цветочной аллее

до сих пор обнимают домик, прижимая его, как любимую игрушку. После снегопада легче читать музыку, записанную солнцем и ветром на могучем нотном стане михайловского великана. Видите?! Вон серый кот, словно игла по пластинке, идет по изгибам ветвей и мурлычет песни, хранимые старым деревом. Снегири и синицы до сих пор прилетают к окошку дома с самоварами, обращенному в сторону озера Кучане. С длинным клювом и хохолком забияка в сером пиджачишке когда-то, быть может, кормил их семечками и крошками со своего стола. Есть в Михайловском места, встав на одно из которых, можно услышать, как протяжно эхо вторит тишине стихами Пушкина, солнечным светом, бликами на воде, запахом цветущей белой сирени, скрипом снега под полозьями саней Пушина... Стихи, бывает, пишутся с середины строфы...

Г. Н. Василевич, директор
Пушкинского Заповедника

«ЖИВОТВОРЯЩАЯ СВЯТЫНЯ» ПАМЯТИ

Пушкинский Заповедник – уникальное место, где прошлое этого поэтического уголка явственно живет в его настоящем, ибо творчество великого поэта по-прежнему созвучно «подвижным картинам» мемориального пейзажа. Уже более ста лет многие поколения посетителей заповедных усадеб ощущают гармонию природы и поэзии, подчиняясь пушкинскому восприятию этих мест: «Но здесь минувшее меня объемлет живо...»

Чудо духовного преображения, которое здесь случилось с Пушкиным, продолжается по сей день. Такова сила этого святого места, зовущего совершить паломничество в Михайловское, поклониться могиле Поэта в Святогорской обители. В XX столетии, с его трагическими, разрушительными событиями, работа музеев в деле сохранения культурного достояния России приобрела, как никогда, значительный и определяющий характер. За свою историю Пушкинский Заповедник, как и многие отечественные музеи, пережил эпоху «мрачных бурь», но сохранил пушкинскую доминанту, которая по сей день определяет музейные традиции.

Музей-заповедник, которому нынче исполняется 95 лет, в 2017 году отмечает целый ряд памятных дат: 180-летие со дня смерти А. С. Пушкина, 70-летие восстановления «Домика няни», 60-летие сотрудничества с Академией художеств, 100-летие В. М. Звонцова, 55-летие открытия Дома-музея в Тригорском, 50-летие Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии, 40-летие открытия Дома-музея в Петровском. В этом году мы в двадцатый раз проводим Февральские музейные чтения памяти С. С. Гейченко. И еще одно важное событие – пятилетие со дня появления музейно-информационного издания «Пушкинский уголок», само название которого уводит нас в историю создания первого музея в Михайловском, где по сей день посетителям и сотрудникам музея дано особенно живо понять пушкинское восприятие памяти:

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.

Л. П. Тихонова, заместитель директора
по музейной, экскурсионной и научной работе

К 180-Й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ ГИБЕЛИ А. С. ПУШКИНА

«МЕЖ КРАСНЫМ И КОНЮШЕННЫМ МОСТОМ»

25 января, в Татьянин день, незадолго до 100-летней скорбной пушкинской годовщины в Ленинграде родилась Татьяна Галушко (1937 – 1988) – поэт, музейщик, пушкинист. В музейных кругах высоко ценятся ее работы по созданию масштабных тематических выставок, экспозиции Музея-дачи А. С. Пушкина в Царском Селе, Музея-квартиры Н. А. Некрасова, участие в создании Музея М. Ю. Лермонтова на Малой Молчановке (Москва). А вся ее профессиональная жизнь протекала, главным образом, в Доме на Мойке, 12, «Меж Красным и Конюшенным мостом», и так сложилось, что последней ее работой стало деятельное участие в реконструкции Музея-квартиры А. С. Пушкина юбилейного 1987 года.

Но считала она себя и была – прежде всего – поэтом. Поэтом в музее Поэта. И нам представляется уместным поместить сегодня на памятной пушкинской странице именно ее стихи.

И. П.

НАБЕРЕЖНАЯ МОЙКИ

Чью тень, о други, видел я?..
Пушкин

Решетки этой почерк отродясь
Я жалованной грамотой считала,
Я каждый день чугун ее читала,
И между нами возрастала связь.
Меж небом и гранитной мостовой,
То в снеговом, то в лиственном плясанье
Незыблемо ее правописание,
Младенчески затверженное мной.
По воздуху стремительным перстом
Прочерчена мгновенная подробность,
Не то что тень, а словно некий образ
Меж Красным и Конюшенным мостом.

И для меня уже который год,
Особенно при небольшом тумане,
На Мойке так необходимо-странен
Изгиб реки и зданий поворот.
Предчувствие открытья и беды
В одушевленном том столпотворенье
Особняков. В наклонном ускоренье
Решетки – вспять движению воды.

Зачем мне знать, что называлась Мья,
Для лодок в берега вбивали колья...
Есть признак места, выраженный болью.
Боль – от и – до. И это знаю я.
От Красного – к Конюшенному. Вот
Где стык углов и стык белил и охры
Сжимает узко берега и горло
И внешней правдой быть перестает.

М. ПАВЛОВ. А. С. ПУШКИН. 1936. ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

* * *

Я видела его во сне.
Он шел по набережной к дому,
А я за штору в окне
Стояла, рот зажав ладонью.

Он шел ссутулясь, весь в снегу,
А шарф болтался нерадиво.
И боль родства, как резь в боку,
Меня прожгла и разбудила.

Смирная сердца темный стук
Над пустотой перемещенья,
Я слепо шарила вокруг,
Вернуть пытаюсь освещенье

Той улицы, внутри окна,
Наполненного снегопадом,
Я встретиться хотела взглядом
С тем, кто остался в тайне сна.

Ах, он понятия не имел,
Что, вызванный тоской
подспудной,
Зимой, по Мойке малолодной,
Спешил ко мне. И не успел.

БЛОК И ПУШКИН

Рифмуя время на вершинах века,
Сквозь листопады всех календарей,
Что светит нам вдали? Два человека
Сверканьем аполлоновых кудрей.

Россия, над равнинами твоими
И впрямь звучит серебряней трубы
Их общее, единственное имя,
Отлюбленное нами у судьбы.

В нем искупленье наше и отрада,
Как в яблоне, в том имени родном –
Не только племя или пламя сада,
Но мета рая и мечта о нем.

Подобно Богоматери, Россия,
Ты смотришь мимо праздных наших лиц,
Ты бережешь Свою мечту о Сыне,
Чей голос воскресает со страниц.

И, недостойные доверья дети,
Мы копим, чтобы правнукам прочесть,
Поспешные черновики столетья,
Об истине наследственную весть.

Двадцатый век не признавал заветов
И сжег немало певчих гнезд своих,
Но есть язык – отечество поэтов,
Есть стоившая песен – гибель их.

ДАР БЕСЦЕННЫЙ

35 лет назад, 10-го февраля 1982 года, на вершине холма Святогорского монастыря стремительный женский голос, обращенный ввысь, с усилием пробивался сквозь шум метели, шарканье ног (было довольно морозно, и люди переступали на месте, согреваясь). Слов было почти не разобрать тем, кто, как мы, оказались в отдалении, но общее впечатление было громадным. Со словом о Пушкине выступала Татьяна Галушко.

Внизу, в монастырском дворе, нас познакомил мой первый муж, Г. Ф. Парчевский, и я от волнения сказала, что знаю ее только как поэта. В том смысле, что не знакома с ее музейной деятельностью. Смелое заявление, если учесть, что к тому моменту я знала лишь горстку ее стихов, опубликованных в альманахе «День поэзии». В ответ услышала молниеносное: «А я и есть поэт. Музей – это мое хобби».

Да, и в тот, и в следующие свои приезды она формально представляла в заповеднике писательскую организацию. В 1982-м спутниками ее были Вадим Халупович и Раиса Вдовина. Этой традиции – сопровождать февральскую траурную церемонию и озвучивать вечер памяти Пушкина выступлениями преимущественно ленинградских поэтов – мы обязаны С. С. Гейченко. Был ли в этом особый, подчеркнутый смысл (ведь везли-то Пушкина хоронить из Петербурга!) – или так было удобнее, проще, привычнее: пригласить питерских поэтов, питерских музыкантов, а докладчика, разумеется, из Пушкинского Дома... В тот год им был С. А. Фомичев.

Татьяна прочла три стихотворения: «Пушкин и Ризнич», «Памятник боевой славы на Ивановских порогах» и «Благовещение». О Пушкине, о блокаде, о творчестве и любви. Первое, раннее – наизусть, два других – по недавно вышедшей книге (скорее, книжечки) «Образ».

В перерыве я подошла к ней и попросила книгу для прочтения. Угадав мой несправедливый интерес, она сказала: «Я бы Вам ее подарила, но это у меня последний экземпляр». Договорились, что возвращу через моего мужа, который жил тогда в Ленинграде и некоторое время работал в музее Пушкина.

С книгой отправилось и мое первое к ней письмо, где я пыталась выразить свое читательское чувство, гамму чувств, бурю чувств... Но что-то ей в нем понравилось, чем-то тронуло, она сказала: «Так – о моих стихах – никто не писал». И – возвратила этот самый экземпляр, сопроводив его безоглядно-щедрым автографом, окружив им – на титуле – свое имя (с шуточным «исправлением» фамилии) и название книги: «Георгию Фомичу, Ирине – <Татьяна Галушка – Образ>. Ире – от автора, благодарного и растроганного. Милая Ириша, кому же и дарить последнее, как не Вам. Галушко». Надпись сделана 19 марта 1982 года.

Второй на моей памяти приезд случился в февральскую пушкинскую годовщину 1986 года. Тогда я сопровождала ее, Олега Тарутина, Асю Векслер, Ирину Чистову в прогулке по Михайловскому. Путь наш лежал через д. Бугрово, где только-только открылся новый музей – последнее детище С. С. Гейченко. Точнее, официальное его открытие состоялось позже, 31 мая, но в те дни в музее уже дежурил хранитель, В. Ю. Козмин, для посетителей была приготовлена Книга записи впечатлений, и первый автограф оставили в ней, сменяя друг друга, Олег Тарутин и Татьяна Галушко. Вот фрагмент: «Это замечательный музей, в стенах которого не покидает ощущение подлинности. Уходим отсюда с великим сожалением, что мы не мельник <дальше рукою Т. Галушко> и мельничиха...»

Стили, разумеется, не чернила, а паста в шариковой ручке. Что касается музея, то Татьяна, долго и зорко всматриваясь в обстановку жилой половины Дома мельника, задумчиво, с явным одобрением и оттенком творческой

зависти к С. С. Гейченко, произнесла: «Как он все-таки умеет делать интерьер». И это была оценка профессионального экспозиционера.

В последний ее приезд нас с мужем на месте не было, мы разминулись. Сентябрь 1987 года. Татьяна приехала в качестве корреспондента журнала «Аврора», чтобы увидеть и описать последствия урагана, пронесшегося в начале августа над Пушкиногорьем. Очерк «Стихия» появился в январе 1988 года, последнего года ее жизни. Здесь явственно звучит гневный и трагический голос поэта. Ибо чувствовать глубоко и сострадать могут многие, но так сказать – за всех и для всех – только поэты, соприродные тому, первому и главному в их судьбе: «...э т а з е м л я, которая казалась некогда К. Г. Паустовскому воплощением древнего русского ландшафта, засеянная костями наших предков, омытая их кровью, э т а з е м л я, питавшая гений Пушкина, сто раз казнимая и сто раз воскресавшая после битв и разрух, – эта земля з а п о в е д н а я, неприкосновенная область души – ныне тоже подверглась угрозе опустошения». За словами очерка стояло: что же мы все наделали и как страшно перед пушкинской вечной красою провинились! О том же она скажет в стихах:

Что нерушимое? Роща и склон?
Все повторимо. Единствен лишь он,
Голос любившего их человека...

– и в этом будет и горечь, и утешение.

Те, кто оставался осенью в Заповеднике, говорили, что Татьяна Галушко, сумевшая понять, охватить, выразить масштаб катастрофы, еще и участвовала в организации действенной помощи собрату-музею.

«Дар бесценный» – так называлась памятная, любимая с детства книга Натальи Кончаловской о Василии Сурикове. Дар бесценный – сама Таня, ее стихи, наши нечастые встречи, возможность писать ей, изредка получая ответ. Дар бесценный эти шесть с половиной лет, прошедшие для меня не столько под знаком ее неизлечимой болезни, сколько под знаком невероятно мужественного сопротивления ей и другим нелегким, порою кошмарным и кромешным обстоятельствам жизни. Дар бесценный – ее помощь мне в постижении жизни и профессии, сочувственная поддержка и помощь Г. Ф. Парчевскому в его литературных трудах, просто человеческое участие в нашей судьбе.

Последняя открытка ее к нам датирована 10 февраля 1988 года. В этот день ей хотелось мысленно быть там, в Михайловском, в Святых Горах.

Последний ее автограф нам – на книге стихов «Древо времени» (слава Богу, успевшей выйти при ее жизни): «20.VI.88. Дорогим моим друзьям Ирише и Георгию Фомичу, с которыми все общее – время, люди, Пушкин и надежды, на память обо мне. Т. Галушко».

И. Ю. Парчевская,
ведущий специалист службы информации

ВСПОМИНАЯ В. М. ЗВОНЦОВА

В начале 60-х гг. прошлого века В. М. Звонцов еще не обрел того облика мэтра, который впоследствии стал привычным для окружающих и так шел ему. Он не носил тогда усов и бороды, большого художнического берета, как персонажи портретов Гольбейна. Впрочем, эти внешние атрибуты не изменили его сущности – неизменно благожелательного, демократичного и очень талантливого человека.

Он был замечательным, тонким графиком-пейзажистом, создававшим свою пушкиниану, которая оказалась созвучной любителям и знатокам пушкинской музыки. В августе 1962 г., когда открывался музей в Тригорском, и позже на выставках В. Звонцова продавались за символическую плату, буквально за копейки графические листы художника. От той поры у меня офорт «Липовая аллея в Михайловском». Пейзаж в офорте так лиричен и одушевлен, что в нашем восприятии возникает романтическая прогулка Пушкина и Керн, их свидание в Михайловском, вызвавшее строки «Чудного мгновенья»; хотя сами персонажи отсутствуют.

Среди миниатюр-поздравлений с праздниками мне особенно дорог уголок тригорского парка с белой «онегинской» скамьей в начале «Аллеи Татьяны»... Но самым каноническим, на мой взгляд, стал офорт, в котором художник запечатлел дом Поэта из-за Сороти зимой. Глядя на него, убеждаешься, что лист белой бумаги может быть живописен, если он одухотворен карандашом, пером, тушью, акварелью или резцом талантливого художника. Сколько в нем поэзии, щемящей грусти, переживаний и воспоминаний. И сколько в этом таланта и мастерства!

Тонкий ценитель поэзии и мира природы, Василий Михайлович, открыв для себя Михайловское, загорелся идеей проведения практики для студентов-первокурсников Института им. Репина и осуществил эту идею вместе с директором Пушкинского заповедника Семеном Степановичем Гейченко. Результатом двухмесячной «пушкинской прививки» становились студенческие выставки в Тригорском. Было очень полезно и интересно наблюдать, как отбирались студенческие работы руководителем практики В. М. Звонцовым и С. С. Гейченко, который всегда следил за успехами «наших» практикантов. Это был такой глубокий психологический и искусствоведческий анализ, разбор в деталях представленных композиций, интерьеров, портретов, что оставалось только пожалеть, что не все сотрудники Заповедника это видят и слышат.

Фронтвик, прошедший всю войну, Звонцов так проникновенно читал своим вологодским говорком «Василия Тёркина» А. Твардовского, что это проживание народной поэмы одним из ее участников не поддается сравнению даже с лучшими актерскими работами.

Значительно было участие Василия Михайловича в жизни Заповедника. Официально он не был консультантом, а по факту, конечно, был. Вкус, талант, заинтересованность «дона Базилио», как звал своего ближайшего друга Семен Степанович, в делах Заповедника, помощь в отыскании нужных вещей, консультации, знакомство с антикварами – все было к услугам пушкинского музея.

Когда он приезжал, а кроме лета были еще февральские пушкинские дни, плавно перетекающие в день рождения

С. С. Гейченко, градус интеллектуальной жизни повышался, так как обсуждались не только новости художественного мира Ленинграда, но и литературные вечера, на которых молодая когорта ленинградских поэтов уже властно заявила о себе, а в нашу орбиту включались друзья и знакомые Звонцова. Он был самым верным и преданным другом Пушкинского заповедника на протяжении почти сорока лет. Он оставил свой след в истории музея как преданный этим местам художник, иллюстратор путеводителей, первого издания пушкинских «Стихов, написанных в Михайловском», книг своих друзей – С. С. Гейченко и М. А. Дудина.

Г. Ф. Симакина,
сотрудник Пушкинского заповедника с 1963 по 1995 гг.
Офорт В. М. Звонцова из собрания автора воспоминаний

* * *

...Василий Михайлович исключительно добрый человек. Создавая свои прекрасные мини-офорты, посвященные Михайловскому, Тригорскому, Петровскому, Вороницу, он не одну тысячу их «в разны годы» подарил мне, чтобы я в свою очередь одаривал ими гостей заповедника, доброхотов, приезжающих помогать нам благоустраивать парки и рощи. Миниатюра Звонцова – это подарок, привет, поздравление, добрый сувенир на память о паломничестве в пушкинское Святогорье...

...Звонцов говорил мне, что если сегодня он представляет собою что-то как художник, то это произошло в значительной степени благодаря Михайловскому. Пушкинский заповедник – вторая его родина. Я смело заявляю, что лучшие его вещи рождены здесь.

Его офорты чем-то близки лирической поэзии. Как и в стихах, маленькая деталь – средство для того, чтобы подчеркнуть главное, без многих слов выразить большое чувство. Смотришь на запечатленный им бутон шиповника, растущего на околице Михайловского, так и кажется, что сейчас он раскроет свои лепестки...

Когда я показываю миниатюры В. М. Звонцова экскурсантам, туристам, книголюбам, я делаю все, чтобы зрители воспринимали их как иллюстрации к стихам Пушкина.

Звонцов по натуре не только художник, но и писатель, поэт. Его чудесные письма ко мне, его стихи подтверждают это. Здоров ли я, болен ли, весел или печален, он всегда находит слова, укрепляющие надежду на грядущую радость.

С. С. Гейченко. Добрый друг.
Из книги «У Лукоморья». 1986

В. М. ЗВОНЦОВ. 1985. ФОТО С. ЧИРИКОВА. ИЗ НФО ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

ОЧАРОВАННЫЙ ЧУДОМ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В. М. ЗВОНЦОВА

13 апреля исполняется 100 лет доброму другу и соратнику С. С. Гейченко, выдающемуся ленинградскому графику, автору тончайших рисунков, акварелей, работ, выполненных в технике китайской туши, мастеру офорта Василию Михайловичу Звонцову (1917–1994). Этой же весной будет 60 лет с того дня, как художник впервые побывал в Михайловском, чтобы проложить дорогу сюда студентам-практикантам сначала графического, а потом и живописного факультетов Института им. И. Е. Репина, встав с другими преподавателями у истоков традиции сотрудничества Академии художеств и Пушкинского Заповедника. А для себя самого он открыл «тот уголок земли», который сделался ему навсегда родным. Фонд В. М. Звонцова в собрании музея насчитывает около 300 единиц. Его работы побывали на многих выставках, они притягивают взгляд, поражая не только художественным мастерством исполнения, но и особым лирическим настроением, точностью и глубиной высказывания о том, что хотел передать нам автор. Сам «очарованный чудом», по выражению М. А. Дудина, художник приглашает нас в соучастники переживания красоты и хрупкости мира, цену которому он узнал на войне и который потому так любил. Авторские размышления о творчестве заимствованы нами из редкого (тиражом всего в 100 экземпляров) издания, подготовленного учениками мастера в 1995 году.

И. П.

* * *

Все мое творчество отдано пейзажу. Основа такой привязанности к родной природе, я полагаю, заложено в годы моего детства. Все последующие события моей жизни, как бы они порой ни казались далекими от природы и увлечения пейзажем, на самом деле лишь укрепляли любовь к ним. Пейзажное искусство может пробуждать в человеке большие чувства, настраивать его на добрый лад... Мне очень хочется, чтобы мои работы в какой-то мере помогали зрителю обрести драгоценную способность видеть в малом значительное, в скромном и обычном с виду – прекрасное.

* * *

Моя творческая работа давно и прочно связана с Пушкинским заповедником. Как пейзажист я нашел в этих, осененных гением Пушкина местах великолепное выражение всего самого лучшего и характерного, что есть в русском пейзаже. Неизменно встречая сердечное отношение, участие и помощь в работе всех без исключения сотрудников заповедника... я собрал огромный натуральный материал, позволивший мне взяться за решение серьезных творческих задач. Могу с уверенностью сказать, что здесь, в заповеднике, родилось большинство лучших, удавшихся мне пейзажей.

* * *

Каков же смысл этих маленьких пейзажей? Для чего они создаются?

Почти каждая из миниатюр – мой подарок, привет, поздравление друзьям, знакомым, незнакомым: по случаю праздника, памятного дня, какого-либо события и торжества.

Почти каждый год к Всесоюзному празднику поэзии в Михайловском я делаю миниатюры для гостей Пушкинского заповедника. В миниатюрах мне хочется поведать о том, что обычно содержится в письменных приветях. А может, и чуть больше. Вряд ли стоит придавать более глубокое значение этим маленьким подаркам. Добавлю лишь, что работаю над миниатюрами с удовольствием, а офорт, по моему мнению, является лучшей техникой для создания миниатюр.

* * *

Война, фронтовая жизнь заставили меня понять, как велик человек и сколько в нем сил духовных и физических. Я убедился, как много может вынести и совершить человек, не требуя при этом особых наград, почестей, кроме права продолжать свою нелегкую обыкновенную жизнь. И я как художник хотел бы всеми силами служить этому человеку. Иные цели искусства мне не понятны.

* * *

Я вырос в деревне, деревня Вахонькино Вологодской области. У нас было голодное детство, поэтому мы хорошо знали, когда и что поднимается из земли. Понимать свою зависимость от земли учила меня и война. Много пришлось пройти, проехать в седле. Воевал я всю войну в пехоте. Жизнь зависела от смены времен года, от состояния природы. А потом – вечное создание укреплений, рытье окопов – земля защищала.

Еще на студенческой скамье я определил, что моим призванием будет пейзаж и только пейзаж.

* * *

Чтобы работа у меня спорилась – самое главное – чуткость к особенностям материала и ровное состояние души. Не могу служить святому делу, когда сумбур в голове и неспособность радоваться.

* * *

Не странно ли?

Завершенные работы начинают нами командовать: диктуют правила обращения с ними, способы оформления, условия экспонирования. Они заставляют беспокоиться об их сохранности, «здоровье», судьбе и даже назначают себе цену.

И художник, как правило, подчиняется этому диктату.

* * *

Самое странное, в выставочных залах я все время видел у своих зрителей тягу к сердечности и тоску по искреннему слову. Все это поддержало во мне уверенность, что я на верном пути. И до конца дней своих я хотел бы служить простой и ясной цели: не только вернуть природу человеку, но и человека – природе. Последнее труднее.

* * *

...Ведь, в конце концов, создание художника, произведение искусства есть не что иное, как обращение человека к человеку, обращение с добрыми словами о красоте жизни. И тут следует говорить языком человеческим – ясным, чистым, понятным.

В. М. Звонцов. Мысли о творчестве. СПб. 1995

ОФОРТЫ-МИНИАТЮРЫ В. М. ЗВОНЦОВА
ИЗ СОБРАНИЯ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

В этом году исполняется 60 лет с того дня, когда по предложению В. М. Звонцова учебно-творческая практика студентов факультета графики Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина стала проходить в Пушкинском заповеднике. Позже к ним присоединились студенты факультета живописи. Традиционной стала и отчетная выставка по итогам практики. В архиве нашего музея сохранились любопытные документы, позволяющие наглядно представить, как это все начиналось. Общеизвестно, что тогда же началась тесная дружба двух основоположников этой традиции – художника и преподавателя графики В. М. Звонцова и директора музея и искусствоведа С. С. Гейченко. Надо думать, именно сильное творческое начало, отличавшее личность каждого из них, способствовало их сближению.

Первый документ – набросок плана занятий пушкинской тематики для практикантов. Выполнен он на миллиметровой бумаге рукою С. С. Гейченко. Находится в деле № 324 (1957 г.) архива научно-музейной части. Приведем его полностью: «Расписание занятий со студентами. 2 июля. Выезд с группой студентов в подшефный заповеднику колхоз им. Пушкина. Зарисовка животноводческой фермы, портреты доярок; 4 июля. Выезд в Петровское. 5 июля. Выезд в Воскресенское и к озеру Белогуль; 6 июля. Поездка в Алтун; 7 июля. Собеседование о Заповеднике; 9 июля. Экскурсия по Заповеднику».

Напомним, что первая практика проходила в 1957 году, сквозной темой множества выставок и экспозиций музея была тогда тема «Пушкин и народ». К тому же многие студенты были горожанами, не видевшими вблизи ни коров, ни лошадей. Отсюда первым номером выезда на животноводческую ферму, портреты доярок: где, как не там, можно было познакомиться с типами русской крестьянки – женщины, девушки – для последующего создания композиций на тему «Пушкин и няня», «Пушкин в девичьей», «Пушкин среди народа на святогорской ярмарке» и т. п. Обращает на себя внимание и широта знакомства с усадебным и сельским пейзажем – Петровское, Воскресенское, Белогуль и Алтун: не случайно эти виды появляются уже в первых акварельных работах В. М. Звонцова, написанных в Михайловском. Отметим, что занятия и выезды на усадьбы стали завершающим этапом практики, когда учебные задачи были в основном выполнены.

Результаты практики зафиксированы в акте от 13 июля 1957 г., где сообщается, что «12 июля с. г. в 2-х комнатах "Братского корпуса" Святогорского монастыря-музея была развернута выставка работ студентов 1 и 2 курсов Графического факультета <...>. Всего выставлено 250 этюдов и зарисовок, выполненных в различной технике и размере, изображающих пушкинские заповедные места, интерьер, исторические памятники, натюрморт, жанровые сценки. Экспонаты сосредоточены в 4 главных разделах: Святогорский монастырь, Михайловское, Тригорское, Пушкинские Горы, смонтированы на бумаге, этикетированы. На открытии выставки присутствовало 120 человек трудящихся Пушкиногорского района и экскурсантов из Дома Туриста».

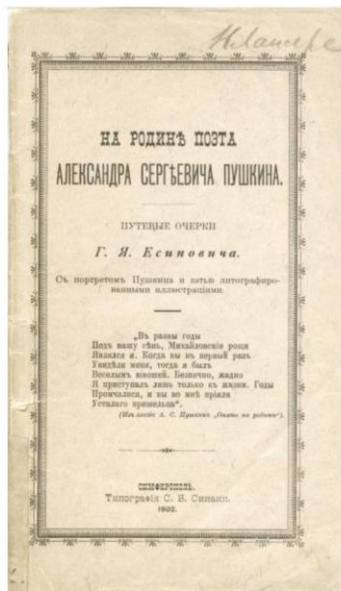
В деле имеются машинописный текст каталога выставки, список студентов (13 чел.) и преподавателей (доцент А. А. Трошичев и ассистенты В. А. Ветрогонский, В. М. Звонцов, В. В. Смирнов), а также наброски афиши и эскизы пригласительных билетов, выполненные студентами.

В 1966 году отметили первый юбилей. Большая сборная выставка работ участников всех 10 практик (из 180 работ 89 уже находились в собрании музея) была организована в выставочных залах восстановленного в 1962 г. Тригорского. Сохранился план занятий на 1967 год (дело № 715 за 1967 г. архива научно-музейной части). Он разросся до двух листов машинописного текста и представлял полную программу практики – как по части Академии художеств, включая самостоятельную работу студентов, так и по части научного руководства со стороны музея. Несомненно, учитывался опыт прошедших практик. Интересно, что вначале предполагалось самостоятельное знакомство студентов с Заповедником и его памятниками (индивидуально). На это отводилось 12 дней (2–13 июня). С 13 июня начинались занятия и экскурсионно-консультации, почти каждый день, с 14 ч. Вступительную беседу о Заповеднике и его памятниках проводит С. С. Гейченко, экскурсии-консультации по музеям Михайловского и Святогорского монастыря – тогдашний хранитель Михайловского и он же главный хранитель В. Я. Шпинев, по Петровскому, где еще нет музея, только парк – Т. Ю. Мальцева, занимавшаяся тогда Ганнибалами, по Тригорскому консультирует студентов начинающий хранитель Дома-музея Г. Ф. Симакина. На Савкину горку и Воронич с темой «Далекое прошлое пушкинских мест» сопровождает будущих художников В. Я. Шпинев. В Велье, Алтун и Вехно, Воскресенское и Белогулье везет сам Семен Степанович. Три дня в Пскове студенты проводят со своим руководителем М. М. Герасимовым. Затем самостоятельная работа в Святогорском монастыре-музее и на усадьбах (с 17 часов, чтобы не мешать экскурсиям!) и лекции сотрудников музея: «Библиография литературы о Пушкине и Пушкинском заповеднике» и «Природа Михайловского в творчестве Пушкина» (Т. Ю. Мальцева), «Рукописи Пушкина» (В. Я. Шпинев), «Деревенские знакомые Пушкина» (С. С. Гейченко), «Мотивы дружбы и товарищества в лирике Пушкина михайловского периода» (В. С. Бозырев). Отводилось время на просмотр документальных фильмов о Заповеднике и консультации по тематике композиций на пушкинские темы. Последние 5 дней (20–25 июля) предназначались для отбора экспонатов отчетной выставки и подготовительных работ по экспозиции (изготовление паспарту, монтировка, развеска).

Те сотрудники музея, кто застали практику студентов-филологов ПсковГУ по программе «Литературное краеведение», узнают многие пункты из их программы. Только часов у филологической практики было раза в три меньше, соответственно – меньше лекций и выездов на экскурсии. Добросовестный студент графического факультета мог, судя по объему полученных знаний, сразу приступить к проведению экскурсий по Заповеднику. Заметим, что далеко не все ныне работающие экскурсоводы и научные сотрудники бывали в тех местах, которые в обязательном порядке посещали студенты-художники, приезжавшие на учебно-творческую практику 50 лет назад. А Пушкин в работах нынешних студентов появляется все реже и реже...

Е. А. Ступина,
ведущий научный сотрудник музейных фондов

«ДОМ ЛАРИНЫХ»: К ИСТОКАМ ИКОНОГРАФИИ ТРИГОРСКОГО

2 января 2017 года в «Классной» Дома-музея Осиповых и Вульфов в Тригорском открылась камерная тематическая выставка. Она знакомит посетителей с уникальными архивными документами по истории усадьбы конца XIX – начала XX вв., поступившими в фонды музея спустя двадцать лет после восстановления и открытия тригорского дома, а также с редко вы-

ТРИГОРСКОЕ. «КОМНАТА ПУШКИНА». С ФОТО С. С. ЩЕРБАКОВА 1918 г.
На нижнем поле пастарту надпись: «Комната Пушкина. Портрет Татьяны (б. Вульф) и Ленского (б. Вульф) / с. Тригорское»

ставляемыми фотографиями рубежа XIX и XX вв. Представленные в копиях, эти материалы добавляют ценные подробности к разделу постоянной экспозиции «Буфетной», связанному с историей Тригорского.

Значительное количество документальных свидетельств, содержащих описания «тригорского замка», относится к периоду Серебряного века, во многом канонизировавшего феномен русской усадьбы. Это время, когда усадебная тема входит в русское изобразительное искусство, ярко воплощаясь в живописных произведениях И. Э. Грабаря, С. Ю. Жуковского, Л. В. Туржанского и многих других.

Тригорское включается в круг художественных интересов живописцев уже в последней трети XIX века. Здесь не на последнем месте – влияние знаменитой оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин», где в декорациях постановки использовался образ тригорской усадьбы и дома друзей поэта.

Среди живописных и графических произведений из собрания Пушкинского Заповедника, относящихся к указанному периоду, – этюды В. М. Максимова, В. В. Мешкова, набросок Н. Е. Лансере, а также фотографии Ю. М. Шокальского, внука А. П. Керн, М. И. Пальмова, арендатора и последнего владельца Тригорского, А. Герасимова и С. Щербакова.

Ряд видов усадьбы художники и фотографы сопровождают надписью «Дом Лариных», обозначающей особое место Тригорского в истории отечественной культуры и литературы. Взаимовлияние литературы и жизни, слова и повседневности ощущалось еще

пушкинскими современниками. Это восприятие возникло во многом благодаря обитателям усадьбы. Так, в «Дневниках» Алексея Вульфа за 1833 год читаем: «15 июня. С большим удовольствием перечел я сегодня 8-ю и вместе последнюю главу "Онегина", одну из лучших глав всего романа, который всегда останется одним из блистательнейших произведений Пушкина, украшением нынешней нашей литературы, довольно верною картиною нравов, а для меня лично – источником воспоминаний весьма приятных по большей части, потому что он не только почти весь написан в моих глазах, но я даже был действующим лицом в описаниях деревенской жизни Онегина, ибо она вся взята из пребывания Пушкина у нас, "в губернии Псковской". Так я, дерптский студент, явился в виде геттингенского под названием Ленского; любезные мои сестрицы суть образцы его деревенских барышень, и чуть не Татьяна ли одна из них». Однако следует заметить, что «переработка» прототипа, его творческое преображение – неизбежное следствие художественного освоения литературного материала. Прямую ассоциацию «Тригорское = имение Лариных» встречаем в очерке С. П. Меча «День в Михайловском» (1901): «Вообще я убедился, посетив Михайловское и Тригорское, что главная и лучшая часть "Онегина" создана именно здесь. Имение Лариных – это Тригорское, имение Онегина – Михайловское. Все подробности своего романа Пушкин списал с натуры». «Домом Лариных» называет усадебный дом и В. В. Тимофеева-Починковская (1850–1931), писательница, жившая с 1911 по 1918 гг. в Колонии литераторов в Михайловском, и баронесса Н. П. Вревская (1878–1961), жена М. С. Сердобина, внука Евпраксии Николаевны (пушкинской Зизи) и Бориса Александровича Вревских.

Сложилась устойчивая традиция восприятия этой литературной усадьбы. Ее территория – место действия и жизни героев, ареал мифологии пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин», запечатленной в названиях уголков Тригорского: «Дом Лариных», «Скамья Онегина», «Аллея Татьяны».

Жизнь дома насильственно оборвется в феврале 1918 года. Дом, помнивший Пушкина, будет сожжен. Так в начале XX века русская усадьба исчезнет в огне, восстав из пепла через несколько десятилетий усадьбой-музеем.

Д. С. Плотникова,
главный хранитель музейных предметов

Н. Е. ЛАНСЕРЕ. РИСУНОК ИЗ ПИСЬМА К МАТЕРИ ОТ 19 ИЮЛЯ 1903 ГОДА

«ЗА ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ И ВЕРНЫЕ СЛУЖБЫ»

К 275-летию со дня указа императрицы Елизаветы Петровны на пожалование Михайловской губы А. П. Ганнибалу

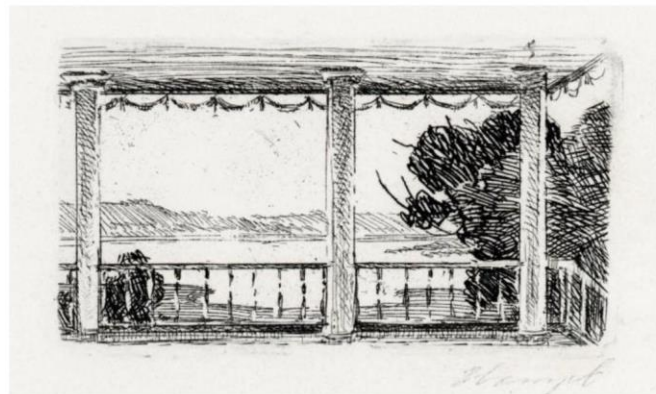
1742 год в жизни арапа Петра Великого, прадеда поэта Абрама Петровича Ганнибала, стал поистине судьбоносным. 12 января императрица Елизавета Петровна своим именным указом одновременно произвела его из подполковников артиллерии сразу в армейские генерал-майоры; назначила обер-комендантом города Ревеля вместо генерал-майора М. Философова, переведенного в Ригу и ставшего затем сенатором.

И пожаловала «за долговременные и верные службы» из псковской царской вотчины «пригорода Воронича Михайловскую губу, которая после кончины блаженной памяти царевны Екатерины Ивановны приписана к нашему дворцу, в которой по ведомости из нашей дворцовой канторы показано по переписи генеральной пятьсот шестьдесят девять душ со всеми к ней принадлежащими землями в вечное владение».

Однако заметим: чтобы стать обладателем такого щедрого подарка, «птенец гнезда Петрова», как только было объявлено утром 26 ноября 1741 года о том, что Елизавета Петровна стала Самодержицей Всероссийской, немедля отправляет челобитную в Сенат, в которой бьет челом, испрашивая земли в Михайловской губе. Его поспешные действия говорят о том, что с воцарением «дщери Петровой» Ганнибал утратил страх, передаваемый в письмах и челобитных предшествующим императрицам и властителям его судьбы, т. к. теперь он находится под особым покровительством, и поэтому уверен в достижении желаемого успеха в своих прошениях, адресованных Елизавете. Вскоре после производства в генералы, в феврале 1742 года, А. П. Ганнибал направил в Сенат на высочайшее имя прошение о выдаче ему Диплома на дворянство и пожалование герба.

В. А. Жуковский, разбирая бумаги Пушкина после его гибели, удивлялся тому, как много тот сохранил документов, касающихся своих предков. Среди бумаг находился не имеющий названия документ, который впервые был обнародован П. И. Бартеневым в 1891 году в журнале «Русский архив» как «Автобиографические показания о происхождении, приезде в Россию и службе прадеда Пушкина Абрама Петровича Ганнибала». Этими «показаниями» и было «Прошение А. П. Ганнибала императрице Елизавете Петровне» на дворянство и пожалование герба. Документ этот Пушкин получил от «двоюродного дедушки – старого арапа» Петра Абрамовича Ганнибала, который родился в том же 1742 году в доме ревельского обер-коменданта. Незадолго до завершения своего земного бытия он с гордостью извещает в своих воспоминаниях, на написании которых настоял Пушкин, что крестили его, правда заочно, императрица Елизавета и наследник престола, будущий царь Петр III.

Через четыре года, 6 февраля 1746-го царский дар был зафиксирован Жалованной грамотой за подписью Елизаветы и канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, в

которой изложен текст указа 1742 года, но с акцентом на то, что «обер-комендант всеподданнейше нас просил дать <...> оную Михайловскую губу». Н. К. Телетова полагает, что Грамоту, позволившую царскому арапу стать русским дворянином, а его потомкам «родовитыми» дворянами, Елизавета «доставила лично Абраму Петровичу во время ее путешествия в июле 1746 года в Эстляндию и Рогервикскую крепость, которою тогда распоряжался Ганнибал. Это было закрепление дара, имевшее характер дополнительной милости».

Получив Жалованную грамоту, Ганнибал обратился с просьбой к статс-секретарю И. А. Черкасову о содействии в получении разрешения ему «на зимнее время в Псковские деревнишки <...> уволенному быть, где по ново-заводевшему случаю хотя б малое поправить что мог». «Псковские деревнишки» после кончины прадеда поэта, согласно раздельному Акту 1782 года, были поделены между тремя его сыновьями. П. А. Ганнибалу достается Петровское. Ис. А. Ганнибалу – Воскресенское (Оклад). Сельцо Михайловское (Зуёво) унаследовал родной дед Пушкина – Осип Абрамович Ганнибал. Здесь, в родовом имении, в конце лета 1827 года Пушкин работал над прозаическим романом, вошедшим в мировую литературу под названием «Арап Петра Великого».

И вот уже 190 лет читаем, вчитываемся и не устаем всякий раз постигать сущее, явленное в этих семи главах неоконченного произведения. Пытаемся угадать то, что предполагал, но не поведал нам Пушкин о «странной жизни» своего легендарного предка, наперсника Петра I и «действительно заслуженного генерала в императорской Русской службе».

Л. В. Козмина,
хранитель музея-усадьбы «Петровское»

«РАДЫ МЫ ПРОКАЗАМ МАТУШКИ-ЗИМЫ»

Когда погода не преподносит своих каверзных сюрпризов, можно бы и порадоваться вместе с поэтом, ведь в каждом времени года у нас на Северо-Западе свои неповторимые прелести. Не исключение и зима. Природа отдыхает: деревья и кустарники оголили свои роскошные кроны, расставшись с листвой, цветы и травы спят под толстым снежным покрывалом, перелетные птицы отправились зимовать в теплые края. Только хвойники радуют глаз яркой зеленью крон да зимующие птицы своими голосами и следами на снегу напоминают, что они здесь, они дома, не улетели, зимуют вместе с нами. А на выпавшем снегу нет-нет, да и проглянет скорый след зайца, осторожная поступь лисицы, дальше в лесу – пробежал волк, длинными прыжками отмечено присутствие косули.

Но не всегда так случается в природе. Зима 2016–2017 гг. в череде последних трех зим отличается очень неустойчивой и капризной погодой. То вдруг, как будто вспомнив о своих зимних задачах, налетят снежные тучи, засыплют все вокруг пушистым снегом. И столбик термометра опускается вниз, на минусовые температуры. И радуется тогда зиме все сущее! То вдруг, с минуса погода резко «прыгает» на плюс. Тогда снег набухает, становится тяжелым, темным, тает. Через некоторое время зима, словно спохватившись, опять вступает в свои права: возвращаются морозы, снегопады, случаются метели.

Так прошло последних три месяца. А скоро уже весна, и у сотрудников службы музейных лесов и парков, наряду с зимними заботами, добавляется ранневесенних. Запланированные на глубокую осень работы, в связи со сложившимися погодными условиями пришлось перенести на весну. В теплом октябре планировалось снижение и облегчение крон на липах входной аллеи, что ведет от Праздничной поляны, через «Горбатый мостик» к усадьбе Михайловского. Работы должна была выполнить подрядная организация, уже третий десяток лет успешно сотрудничающая с Пушкинским Заповедником. «Верхолазы», как их называют у нас в музее-заповеднике, только ждали сообщения о выделенных нашими благотворителями – ПАО Сбербанк – средств на проведение этих работ и сразу должны были приехать в Михайловское. Но в ночь с 30 октября на 1 ноября выпало очень много снега. Снегопад продолжался с 2 по 7 ноября, с каждым днем становясь все обильнее. 6 ноября разыгралась такая сильная метель, какой время в январе – феврале. Стало понятно, что работы в кронах деревьев придется перенести на весну. Снегопад и слабый мороз продолжались до 15 ноября. А потом пошли дожди и быстро помогли растаять выпавшему снегу. В связи с такими погодными условиями на усадьбах в течение прошедших трех месяцев трижды раскладывались и убирались трапы – для удобного прохода по парковым и усадебным дорожкам. В

остальное время, при сильнейших гололедах, проводится посыпка дорожек песчано-гравийной смесью. Ни на один день не прекращаются работы по содержанию парковых дорожек. Большая часть рабочих с усадеб помогает коллегам из отдела ремонта и реконструкции ландшафтных территорий. Они осуществляют работы на лесной площади. Вычищен участок леса вдоль Рысцевской дороги, где теперь проходит конный экскурсионный маршрут. Проведены ландшафтные рубки вдоль пешеходного маршрута, идущего от озера Маленец мимо «Трех сосен». Начаты работы на северном склоне Зиминой горы, где предстоит убрать большое количество старых гнилых осин, после чего там будут созданы лесные культуры – посажены саженцы хвойных деревьев.

Рабочие Тригорского весь январь убирают сорную самосевную кустарниковую растительность – по берегу реки Сороть, на лугу, вдоль пешеходного маршрута, проходящего у подножия городища Воронич с северной его стороны. И уже приступили к обрезке яблонь в плодовом саду.

В Петровском вырезают сучья из крон кустарников и деревьев на допустимой высоте. Начали обрезку плодовых деревьев.

В Михайловском в январе на «Острове уединения» убраны две старые березы, которые погибли (усохли) в результате воздействия абиотических (вредоносных) факторов. Эта работа выполнена лесниками отдела ремонта и реконструкции ландшафтных территорий и рабочими зеленого хозяйства усадьбы Михайловского.

В музее «Пушкинская деревня» в Бугрове проводились те же работы, что и в усадебных парках: многократная раскладка и уборка трапов по дорожкам, посыпка дорожек во время гололеда. Для проведения музейной программы «Настали святки, то-то радость!» подготовлена горка, для праздника Крещения Господня – прорубь на пруду. Участие в программе «Деревенский Пушкин» также входит в наши зимние мероприятия.

В Научно-культурном центре ведется уход за комнатными растениями, которые находятся в фойе второго этажа Большого зала.

В отделе древесно-декоративных культур заготовлен грунт для высевки семян и пикировки рассады. В феврале начнется посев некоторых видов летников и овощей. Как и в прежние годы, идет определение семян на всхожесть, составляются планы высадки летников на усадебные цветники и к Научно-культурному центру.

Также в оставшийся зимний месяц февраль предстоит обрезка плодовых деревьев в садах, изготовление и развешивание скворечников и синичников для наших пернатых питомцев.

Г. Н. Пиврик,
главный хранитель музейных лесов и парков
Фото Е. В. Белой

СОФЬЯ КОВАЛЕВСКАЯ. ПОЛИБИНО. МИХАЙЛОВСКОЕ. СТОКГОЛЬМ

ДОМ В ПОЛИБИНЕ. ВИД ИЗ ПАРКА. 2016. ФОТО Г. Н. ВАСИЛЕВИЧА

Во главу этой заметки поставлено название выставок, которые Пушкинский Заповедник будет открывать 8 и 10 февраля в двух местах. Первое – Полибино, мемориальный музей-усадьба Софьи Ковалевской, известной всем как первая в мире женщина, получившая звание профессора математики. Второе – посольство Российской Федерации в Стокгольме, где университетским научным сообществом были по достоинству оценены математические способности русской ученой. Идея создания этой выставки родилась летом 2016 года во время обсуждения планов сотрудничества между Российским посольством в Швеции и Пушкинским Заповедником.

Мемориальный музей в Полибине располагается в усадебном флигеле, а рядом с ним стоит дом, где прошли детские и юношеские годы Софьи. В этот период проявилась ее склонность к увлечению математикой и поэзией, сочинительством стихов: «я с жадностью поглощала все отрывки русских поэтов, и чем высокопарнее была поэзия, тем более она мне приходилась по вкусу. Баллады Жуковского долго были единственными известными мне образцами русской поэзии...» Но главным выбором всей жизни стала математика: «Стоит мне только коснуться математики, как я опять забуду все на свете».

И. Д. ШАЙМАРДАНОВ. ЗИМА В ТРИГОРСКОМ. 2016. ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

8 февраля в отреставрированном круглом парадном зале главного усадебного дома разместится выставка «Софья Ковалевская. Полибино. Михайловское. Стокгольм», подготовленная усилиями Пушкинского Заповедника и являющаяся собою результат межмузейного творческого сотрудничества. Это 45 художественных фотографий, представляющих экспозицию сегодняшнего музея в Полибине, виды усадьбы, парка и окрестностей, и 20 копий живописных работ, знакомящих нас с теми местами, где жила и работала или которые посещала С. Ковалевская, – Полибино, Михайловское, Тригорское, Псков, Петербург, Париж, Стокгольм. Фотографии выполнены ведущим сотрудником службы информации Н. А. Алексеевым и директором Пушкинского Заповедника Г. Н. Василевичем; живописные работы, специально для этой выставки, создал художник Игорь Шаймарданов.

Второй вариант выставки «Софья Ковалевская. Полибино. Михайловское. Стокгольм» 10 февраля откроется в Стокгольме. Для нас 10 февраля – это день памяти А. С. Пушкина и мало кто знает, что в этот же день

И. Д. ШАЙМАРДАНОВ. ПЛОЩАДЬ В СТОКГОЛЬМЕ. 2016. ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

в 1891 году скончалась Софья Васильевна Ковалевская, чью память бережно хранят в Стокгольмском университете, ставшем для нее родным домом. Прах нашей великой соотечественницы покоится на стокгольмском Северном кладбище. Было решено объединить эти два имени – Александра Пушкина и Софьи Ковалевской – в памятных мероприятиях, что пройдут в Российском посольстве по случаю дня дипломатического работника, который также отмечается 10 февраля (Александр Сергеевич Пушкин, как мы помним, служил в Коллегии иностранных дел России). К могиле С. В. Ковалевской будут возложены цветы, о ней будет говорить при открытии выставки. Непременно будут звучать пушкинское слово, романсы на стихи поэта.

Казалось бы, математика и поэзия – очень далекие друг от друга направления деятельности человека, но и у них есть нечто общее, что их объединяет. Пушкин писал: «...вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии», а Ковалевская отмечала: «Нельзя быть математиком, не будучи в то же время и поэтом в душе».

Н. Б. Василевич,
начальник службы информации и международных связей

ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК

Музейно-информационное издание
Выходит с июня 2012 года

Учредитель: Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское»
Адрес: 181370, Псковская обл., Пушкиногорский р-н, с. Михайловское

Главный редактор Н. Б. Василевич
Редакционная коллегия: Т. С. Новикова, И. Ю. Парчевская,
Д. С. Плотникова, Е. Г. Степанова, П. А. Терещенко

Отпечатано в компьютерном отделе Пушкинского Заповедника

Распространяется бесплатно
Служба информации:
тел./факс: (81146) 2-13-73; e-mail: informpg@ellink.ru;
Экскурсионная служба (заказ экскурсий):
тел./факс: (81146) 2-23-21, 2-26-09;
e-mail: burexpg@ellink.ru
Интернет-сайт: www.pushkin.ellink.ru